

МОЙ ДРУГ АНДРЕЙ БОЛТНЕВ

Я помню его приход в театр. Он вошел, какой-то бледный очень, озадаченный — волновался, видимо, сильно. И сразу же Гончаров занял его в спектакле "Завтра была война". Он играл там преподавателя, бывшего кавалериста с ампула "обоженно-го летчика", как говорил Гончаров. А в это время я начинал работу над "Игрой теней", где мне нужны были Цезарь, Клеопатра, Антоний... И я подумал: вот Андрей и есть Цезарь.

Работа над "Игрой теней" была трудной, в течение двух лет. Были срывы, Андрей переживал... но потом роль Цезаря оказалась его главной работой на театральной сцене.

Не знаю, можно ли его назвать "рациональным" актером — но главное, что он ценил на сцене и в жизни — это разум. И лишь потом признавал эмоции. Он всегда должен был сначала все просчитать. И не случайно, думаю, с детства было у него увлечение звездами. А в последние годы — компьютеры. Играл в компьютерные игры, которые он обожал, кричал: "Не может быть, чтобы я его не обыграл! Кто разумнее — я или он?" и это для него было очень серьезно.

Хочется сказать о разнице между мной и им; это определяло степень нашего взаимопроникновения. У нас было достаточно различий. Мы — даже совершенно разные книжки читали. Поэтому он мне рассказывал всю историю детективной литературы или фантастики — которую я перестал читать лет в девятнадцать, а он читал до последнего времени. Я же предпочитаю либо романистику, либо то, что связано с моей профессией. Поскольку я занимался в жизни только театром, и все. Ну, а его в первую голову интересовали звезды, галактика, отношение землян к галактике. И он занимался этим всем очень внятно и серьезно. От этого, конечно, было определенным и его мировоззрение: он никогда не верил по-настоящему в бога, — а верил только в некоторую разумную силу, распределившую всю галактику. Однако, что бы я ни говорил о нем и как бы не говорил, определяло все то, что мы очень близкие друзья. Он был всегда рядом с моей семьей, он занимался моей дочерью, был и ее крестным отцом. Два года, наверно, ушло на притирку друг с другом — а потом и он, и я удивились, что вот люди в сорок с лишним лет могут стать близкими друзьями. Конечно, определяющими в нашей дружбе были творческие интересы, ставшие доминантой всех отношений.

Когда он умер, у нас остались незавершенными два дела. Мы хотели записать с ним на радио "Россию, кровью умытую" Артема Веселого. Когда он прочел это произведение, сказал: "Это удивительно, я согласен". И второе дело: я понял, он превосходно должен сыграть Свидригайлова. Его судьба, то, как он относится к жизни, к смерти — все складывалось в этой роли. Но нашей работе не суждено было завершиться. Моя жизнь протекала рядом с ним изо дня в день, много лет, мы ведь жили на одной площадке; я делал шаг от своей жены — и видел своего лучшего друга. И мы могли целые ночи напролет проводить в обсуждении наших замыслов. А он был до жути трудоспособен, до жути. В это время Андрей очень много снимался, загруженность у него была страшная: он снялся подряд почти в сорока картинах. И при этом постоянно репетировал в театре.

Был у нас с ним период увлечения андеграундом. Вот мы, два старика, поколения Битлз — и на тебе, увлеклись андеграундом! В это время и был написан Виталием Павловым "Подземный переход", который мы поставили. Там у него была одна из главных ролей. И это были опять два года работы... Когда спектакль вышел, его роль оказалась одной из самых интересных: роль человека, который всю жизнь потратил на строительство социализма, или коммунизма (я уж не знаю, чего), и потерпевшего полное разочарование в том, что происходит вокруг.

Восемь лет назад я задумал спектакль по Леониду Андрееву "Дни нашей жизни". И когда я назначил Андрея на роль немца фон Ранкена, то Гончаров счел это назначение неверным. Но когда мы эту работу уже показывали на худсовете, то сам же Гончаров сказал, что он поражен его игрой. И это действительно была одна из выразительных болтневских работ.

Из всех наших разговоров с ним я бы не мог вспомнить ни одного "меркантильного". Мы настолько ценили время друг друга, что сразу говорили о главном: я говорил про театр, а он — о звездах, о человеке во вселенной...

Вообще, что сладко говорить о несладком человеке? Он ведь был очень жесткий, очень трудный, даже

несваримый, его почти нельзя было переломить — такой он был жесткий.

Доминантой в нем было то, что он все старался делать предельно профессионально, не выносясь при близительности и халтуры. Это был такой "русский немец" — педантичный, точный, с высочайшей требовательностью к себе.

Мне всегда казалось, что природа задумала так, чтобы он был "против быта". Вероятно, то, что он так и прожил в общежитии — была именно его вина, или желание. Он не понимал быта. Никак к нему не относился. Было вечное ощущение, что он "временщик": зашел — ушел; зашел — улетел; прилетел — зашел — вышел — ушел.

И если я говорю о нем "временщик", то кто-то может подумать, что он фаталистически относился к своей жизни? Нет, ничего подобного! Именно он мне говорил: "Парень, мы с тобой войдем в двадцать первый век, мы попрощаемся с двадцатым и будем свидетелями вступления в новое тысячелетие! Ты пойми, к этому времени человечество должно уже точно решить, что делать, если здесь наступит какая-нибудь катастрофа, и может быть, мы перелетим на другую планету."

А теперь — крен несколько в иную сторону. Андрей был удивительно "карнавальным" человеком. В смысле "карнавала", как выплеска. Как счастья бытия, и вечного пребывания среди друзей. Он был бесконечно хлебосол, никогда не считал денег. И даже когда получал государственные премии — то все они уходили на друзей, на широкие угощения... Идея "карнавала" как бы главенствовала в его жизни. Считал, что вот так надо жить: чтобы множество людей вокруг, никогда не утомлялось от общения с ними.

Он постоянно был где-то в пути. Жил как бы "на истребление". Не жил — а летел. И, когда мы уже прощались с ним, я не случайно сказал, что он "влетел метеоритоподобно в мою жизнь".

Мы всегда мечтали с ним — может быть, оттого, что у нас не было квартир — что театр купит дом, и мы все поселимся в нем, и у нас будет каминный зал, где наши друзья станут собираться. И мы выбирали этот дом, фантазировали...

Я все время думаю о том, что в моей жизни эту потерю ничем не восполнить. Как там? — "Все теперь одному. Только кажется мне — это я не вернулся из боя." Он был настолько близким мне человеком, — и мне хотелось придумывать для него все новые роли, ведь он был блестящий актер, настоящий человек и преданный друг.

Режиссер Юрий Иоффе.

Романов в спектакле "Завтра была война"

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ИНТЕРВЬЮ

Как странно: в этом сезоне первый же осенний номер "Доктора Чехова" должен был выйти с интервью Андрея; за две недели до его неожиданной смерти мы с ним об этом договорились. И это должно было быть не простое интервью, а некое послание в Сибирь и другие точки страны. Дело в том, что он работал в разных театрах периферии — и в Уссурийске, и в Майкопе, и в Новосибирске, и еще много где. Поэтому и я, и мои коллеги из "Товарищества Режиссеров", бывая в различных театрах России, периодически встречались с кем-то из актеров, кто гордо говорил: "А я работал с Болтневым." Это Миша Белов в Новокузнецке, Саша Сук в Бийске, Виктор Шубников в Туле. И я передавала им привет от него — он всегда об этом просил — и ему от них. И он всегда страшно огорчался, что они ему не звонят. А они стеснялись звонить, потому что получалось, что он как бы "вышел в люди", а они остались в провинции. Вообще Болтнев, как, кстати, и Стеклов, — это две "голливудские мечты" периферийного артиста. Они ведь вышли в столичные знаменитости уже под сорок лет. И провинциальные коллеги Андрея, очень тепло о нем отзываясь, все же, бывая в Москве, ему не решались позвонить. Он боялся, что они думают, будто он зазнался. Впрочем, он боялся этого не только в отношении коллег, а вообще. Это порой доводило его до курьезных историй. И вот мы придумали это интервью, в котором он хотел через нашу газету, известную

СПИСОК РОЛЕЙ СЫГРАННЫХ А.БОЛТНЕВЫМ В ТЕАТРЕ ИМ. В.МАЯКОВСКОГО:

ПОДЗЕМНЫЙ ПЕРХОД В.Павлова — Злобин;
ЗАВТРА БАЛА ВОЙНА Б.Васильева — Ромахин, директор школы;
ЯЩЕРИЦА А.ВОЛОДИНА — Советчик народа
КОМЕДИЯ О ПРИНЦЕ ДАТСКОМ Т.Ахрамковой — Станиславский, сотрудник ГАИ, старик;
ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ Л.Андреева — Эдуард фон Ранкен, врач;
ИГРА ТЕНЕЙ Ю.Эдлеса — Цезарь;
ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЕВА, ВИБАТ! Р.Болта (ввод);
ГОРБУН С.Мрожека — Неизвестный;
ЗАКАТ И.Бабеля — Мендель Крик.

во всех театрах России, сказать теплые слова своим старым друзьям.

Андрею была свойственна поразительная "непарадность", "незвездность" и "неюбилейность". Он не дожил совсем чуть-чуть до десятилетия своей работы в театре имени Вл. Маяковского, пришел в который в 1985 году, и не дожил полугода до своего пятидесятилетия. 5 января 1996 года ему должно было исполниться полвека.

Говорят, что актеры — это дети. Андрей в определенных отношениях был абсолютнейшим ребенком. Никогда не забуду, как 9 мая 1989 года, после отыгранного спектакля "Завтра была война", под залпами салюта он стоял возле театра с астрономическим глобусом в руках, привезенным мной для него издалека, и сколько детской радости было в его глазах.

Хотя в каких-то других отношениях он был человеком крайне жестким и суровым. В ВТО состоялся их диалог с Листьевым, который слышали многие. Когда Влад очень искренне заметил, что мол "есть в партии честные люди", Андрей ему весьма жестоко ответил: "Нет в этой партии честных людей. Потому что, если честный человек в нее попадет, то его либо оттуда выбрасывают, либо он становится нечестным человеком." Это была его позиция. На мой вопрос, коснулись ли какие-нибудь репрессии его семьи, он ответил: "Нет, семьи не коснулись. Коснулись страны." Он ощущал себя ее частью, хотя никогда не бил себя в грудь и не кричал о патриотизме, нигде и никогда не выступал ни с какими речами. И то, что происходит со страной, он переживал гораздо острее, чем то, что происходило собственно с ним.

Режиссер Римма Ланская.

КАКОГО АКТЕРА МЫ ИСКАЛИ И НАШЛИ

Когда мы начали искать актера на роль Лапшина, то сразу поняли, что это будет не так просто.

Во-первых, этот актер должен быть совершенно неизвестным лицом для зрителей; поэтому кандидатуры популярных артистов мгновенно отпали.

Что еще должен был нести собой этот герой? Помните, Ханин, которого играл Андрей Миронов, говорил ему в фильме: "Я живу грязно, но интересно. Ты — живешь чисто, но неинтересно." Так вот, наш Лапшин должен был быть бесхитростным человеком, именно чисто-бесхитростным. (Действительно, а где же среди москвичей-то найти такого?) И еще герой этот должен был быть "с печатью ухода" на лице. С лицом безвозвратно ушедшим в прошлое, в историю. Он — из той популяции, которая в России к тридцатым годам уже исчезала. Знаете, когда рассматриваешь старые семейные альбомы, то порой встречаются в них именно такие лица... Да, это должен был оказаться человек, который неизбежно уйдет, исчезнет.

В процессе поисков такой личности, из Сибири были привезены три актера. В кинопробах интереснее всех показался, кстати, Юрий Кузнецов. Но, вопреки решению худсовета фильма, мы выбрали все же Болтнева. Почему? Мы как-то странно почти интуитивно его "угадали".

...А когда я стоял уже на панихиде возле гроба Андрея, то представьте, думал о том, что и эту его смерть мы как бы трагически "угадали". Угадали его одиночество и какую-то отдельность от братьев по цеху, угадали (выходит, что так) его одинокое умирание. Он тихо умер во сне в своем общежитии, как говорят в России, о такой смерти: "его поцеловал Господь". Умер в одиночестве, без собственного дома и даже без прописки; оказался "прописан" в Москве лишь после собственной смерти. Поскольку, не будучи прописанным, человек даже не имеет право быть похороненным...

Алексей Герман о фильме "Мой друг Иван Лапшин"